

ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА*

Для меня является большой честью выступить с докладом в Арзамасском педагогическом институте, который от года к году все больше и больше возрастает в качестве одного из ведущих центров русского Просвещения. Не внешней, заемной «образованщины», а того Просвещения, о котором было сказано: «Свет Христов просвещает всех». В свое время Мартин Хайдеггер, всемирно известный философ-«почвенник», дважды отказавшийся от почетного приглашения в Берлинский университет, в своей работе: «Творческий ландшафт: Почему мы остаемся в провинции» парадоксальным образом заявил, что его интеллектуальный труд «точно таков же», как и крестьянский труд – и место его философской деятельности «среди крестьянских трудов»: речь идет о «глубинной принадлежности» личного творчества к родной земле, к ее вековым самобытным традициям.

Не у всех получается «остаться в провинции»: я, например, не смог остаться. Однако и для меня несомненна глубокая правда, которая проступает в словах немецкого мыслителя о «проникновенном зове» своей родины: «этот зов, утешающий и увещевающий, слышится лишь до тех пор, пока живы люди, которые родились и дышали его воздухом, которые могут слышать его... Если человек не подчинится ладу зова..., он напрасно тщится наладить порядок на земном шаре, планомерно рассчитывая его... Так человек рассеивается и лишается путей».

Православная Церковь – это Вселенская Церковь, это та духовная вертикаль, которая соединяет небо и землю. Но Православие вовсе не безразлично к горизонтали тела земли: иначе не было бы у нас почитания наших русских святых, не было бы у нас Богомолья, так проникновенно воссозданного художественным талантом И.С. Шмелева, тогда бы не было у нас и нашей России, нашей православной России.

Почему же я счел необходимым обратиться к немецкому философу Хайдеггеру на конференции, посвященной Православию и русской литературе? Потому что у него нам в пору сегодня учиться интеллектуальной непреклонности и гражданскому мужеству. Хайдеггер, после сокрушительного поражения Германии в войне, и сам уже остранный от преподавания в университете во французском секторе оккупации, в речи на праздновании годовщины со дня рождения композитора Конрадина Крейцера в Мескирхе не побоялся напомнить о том, что «многие немцы лишились своей родины, им пришлось оставить свои города и села, их изгнали с родной земли» (как будто это сказано о русских после 1991 г. – И.Е.). «А те, кто остался на родине? – продолжает Хайдеггер. – Часто они еще более безродны, чем те, кто был изгнан. Час за часом, день за днем они проводят у телевизора и радиоприемника, прикованные к ним... в этом воображаемом царстве, пытающимся заменить мир, но которое не есть мир». Это выдуманное царство «уже ближе человеку, чем пашни вокруг его двора, чем небо над землей, ближе... чем обычаи и нравы его села, чем предания его родной земли». Под угрозой оказалась «сама укорененность сегодняшнего человека». Эта «утрата укорененности», «утрата корней» опознается и провозглашается Хайдеггером как главная опасность для Германии – в то самое время, когда, казалось бы, любое упоминание о «почве», о великой немецкой культурной традиции невозможно под всемирный гвалт о «коллективной вине» чуть ли не любого национально мыслящего немца.

В этих условиях оккупации Хайдеггер не побоялся противопоставить два вида мышления: вычисляющее мышление и осмысляющее раздумье. Сила была за первым. А правда – за вторым. Находясь на пепелище, немецкий философ настаивал: настоящее произведение искусства может созреть только «на почве своей родины», «на почве своей родной земли». Он мог даже задать страшный вопрос, обращенный к соотечественникам: «Есть ли еще родина, в почве которой – корни человека, в которой он укоренен?»

А мы? Мы в России дошли в нашем духовном падении и в парализующем нас безволии до того, что позволяем совершенно безнаказанно какой-то бездарной и корыстной шпане, хотя и облеченной «четвертой» властью (впрочем, только ли «четвертой?»), на наших же глазах абсолютно бесстыдно и безнаказанно выискивать особый «русский фашизм» - после десятилетий и десятилетий погрома русского же самосознания, после расчленения исторической России. Такого сборища бездарностей, которые от нашего имени самозванно «представляют» русскую культуру, и в то же время нескрывая враждебно относятся к доминантным многовековым ценностям этой культуры, такой концентрации я не знаю ни в одной сколько-нибудь уважающей себя и свою национальную традицию европейской стране. Как абсолютно точно сформулировал в недавнем интервью А.И. Солженицын, «словом "фашизм" у нас кидаются... как удобным бранным словом, чтобы не дать встать русскому самосознанию». Мы не имеем права забывать, что подобные обвинения в «русском национализме» и фашизме уже звучали на рубеже двадцатых и тридцатых годов, когда определенному властному клану нужно было расправиться со своими конкурентами, мешающим мечтам о перманентной революции. Так были репрессированы философы Лосев и Флоренский, историки Веселовский, Греков, Тарле и многие другие.

Но как сегодня может «встать русское самосознание»? В «великой», как нас уверяют, цели стать «энергетической сверхдержавой»? Если перевести это лукавое утверждение на язык наших реалий, то неужели наша «великая» цель в том, чтобы как можно скорее и повыгоднее выкачать и продать другим наши нефть и газ? И это место - место «сырьевого придатка» - неужели это действительно наше истинное место в глобальном мире? Или, может быть, все-таки, это место «назначают» нам те, для кого русская земля и русское небо, как выразился по другому поводу тот же Хайдеггер, лишь внешние объекты для собственных калькуляций и манипуляций? И тогда эти объекты не имеют для них собственного присутствия им смысла.

Если мы согласимся с этим, безропотно склоним свои выи под ярмо калькуляторов-«управляющих», то некого винить в наших бедах, кроме нас же самих. Значит, мы просто недостойны ни нашего неба, ни нашей земли. Значит, надо смириться и с тем, что другие народы, не такие анемичные, как мы, по-хозяйски разместятся, как это уже происходит, на нашей земле. Значит, Богу не нужна такая Россия.

Но что нам может помочь, наконец, встать с колен в это смутное время, которое никак не желает закончиться? Русский язык, как это пророчил когда-то Тургенев в несравненно более благополучное для России время? Вряд ли. Сам русский язык тоже слишком изнемог и речь донского казака, которую я слышал в православном храме американского Кливленда, не в пример лучше и чище того русского языка, на котором говорим мы на родине, терпящей поражение за поражением.

Может быть, тогда спасут нас церковно-славянские корни русского языка, о которых так проникновенно писали Вяч. Иванов и Иван Ильин? Да и Д.С. Лихачев, когда он был еще не кумиром советской интеллигенции, а оскорбленным в глубинах всего своего существа патриотом России, не случайно же прочел едва не погубивший его доклад о преимуществах старой орфографии над новой, намеренно лишенной реформаторами своих церковно-славянских корней, как бы обрезанной орфографией (которую И.А. Бунин не называл иначе, нежели «заборной»). Нет, думаю, что и церковно-славянские корни русского языка – сами по себе – уже не смогут удержать русскую культуру в границах ее самоидентификации. Хотя я с глубоким сочувствием отношусь к попыткам реконструировать истинную пунктуацию и истинную орфографию великой русской классики XIX века, что, например, осуществляет проф. В.Н. Захаров в своем петрозаводском издании полного Достоевского. Но уже и это не спасет нас.

На что же тогда надеяться и чему верить? Я надеюсь именно и только на русскую православную традицию, которая поможет – и уже помогает нам в наших душевных, государственных и культурных нестроениях. Именно традиция как укорененность в

глубинном духовном опыте народа позволяет человеку верно ориентироваться в многообразии культурных проявлений сегодняшнего дня. Именно традиция противостоит духу разрушения, с одной стороны, и духу капитулянства – с другой.

Грубой ошибкой было бы понимать традицию как «традиционализм», как своего рода «клонирование» старого: традиция значительно шире и богаче по своему смыслу, это совсем не повторение прошедшего. Как совершенно справедливо замечает Элиот в своей программной статье «Традиция и индивидуальный талант», прежде всего, традиция предполагает ответственное и широко понимаемое «чувство истории»; осознание автором, «что прошлое не только прошло, но и продолжается сегодня». Следование традиции – это «отнюдь не следование по стопам поколения, непосредственно нам предшествовавшего, и слепая, робкая приверженность к им достигнутому», но «постепенное и непрерывное самопожертвование» со стороны автора, который живет в своем произведении не сегодняшним днем, но «сегодняшним моментом прошлого, осознавая не то, что умерло, а то, что продолжает жить».

Должен сказать, что одним из главных собственных – весьма, скромных, надо признать, - результатов в области русской филологии я считаю то, что понятия, характеризующие православный духовный опыт: соборность, пасхальность, благодать, христоцентризм, юродство не только вошли в активный филологический оборот, но и обрели статус собственно литературоведческих терминов, без которых адекватное описание русской литературы, на мой взгляд, весьма затруднительно, если вообще возможно. По этой же причине мне кажется добрым знаком, что в университетский учебник «Введение в литературоведение» удалось ввести главы «Традиция в художественном творчестве» и – впервые за долгое время – главу «Национальное своеобразие литературы».

В последнее время, к сожалению, достаточно широко распространилась тенденция совершенно неправомерного рассмотрения русской художественной литературы посредством прямой проекции на нее системы православной догматики. Так поступает сегодняшние неофиты от Православия, например, М.М. Дунаев.

Например, последний полемизируя с моим анализом «Войны и мира» Толстого, заявляет, что там, мол, нет истинной любви, а потому нет и соборности. Критик буквально каждого толстовского героя подозревает в «недостаточной» любви: «Любовь Платона Каратаева ограничена лишь полем его внимания... Любовь аныза Андрея перетекает в равнодушие в Богу и ближним. Любовь Пьера эгоцентрична и тщеславно слаба. Любовь Наташи «наивно» эгоистична. Любовь Николая готова обернуться враждою. Даже любовь графини Марьи не способна одолеть некоторой эгоистической ущербности (так в тексте. – И.Е.)». Я бы хотел лишь заметить, что этот выстраиваемый моим критиком ряд явно неполный: при желании сюда же можно поместить не только всех так или иначе «ущербленных» героев русской классической литературы, но и всех русских авторов, и даже более того – всех людей вообще: ведь любая любовь на земле, отягченная первородным грехом, не может сравниться с любовью Христа.

Из чего вовсе не следует, что в таком случае здесь на земле отсутствует соборное единение. К сожалению, сам критик не способен домыслить до логической завершенности конечный смысл своих нелепых претензий к литературным героям: согласно его технологии рассмотрения, раз герои «ущербленные», они не способны к христианской любви.

Точно так же обстоит дело и с русской художественной литературой. Если на эту литературу бездумно проецировать всю систему православной догматики – без понимания эстетической природы литературы – ни одно художественное произведение не будет отвечать критериям этой системы. Даже «духовная проза» Гоголя при таком подходе совершенно не соответствует своему названию, потому что в строгом смысле слова «духовными сочинениями» являются, например, сочинения Иоанна Златоуста, но совсем не Гоголя. В итоге далеко не безобидных упражнений любителей прямых проекций догматики на художественное творчество между русской светской культурой и

православной духовностью выстраивается своего рода непреодолимая «стена». Тем самым и Православие – по недомыслию или по какому-то умыслу – если поверить этим популяризаторам, словно бы не имеет дороги в мир и замыкается в какое-то особое «гетто», где признаются лишь отчужденные от личности нормативные «правила», свод которых самочинно подменяет глубинную укорененность отечественной литературы в христианской традиции. В сущности, такой «нормативный» подход к художественной литературе совершенно не является христианским по духу: это подход весьма близкий отношению к человеку «законников и фарисеев». В итоге, громадное большинство русских писателей в итоге подобной критической деятельности самовольно отлучаются от православной традиции.

Не будем больше говорить о несостоятельных современных сочинениях. Иногда, читая подобные сочинения, может создаться впечатление, что перед нами какая-то неумная провокация, шутовское опошление и вульгаризация православного подхода к русской литературе.

Но настоящая проблема в том, что не спасает дело и строго «богословский» подход к художественной литературе. Вот основной труд выдающегося представителя первой русской эмиграции о. Георгия Флоровского «Пути русского богословия», который известен не только своей монументальностью, но и своим консерватизмом. Очень полезное и очень ценное сочинение. Однако в тех его разделах, где речь идет о художественной литературе, в сущности, каждый раз мы - как читатели - имеем дело с частным мнением о. Георгия, с той или иной его собственной интерпретацией. Причем, зачастую эти интерпретации (мнения о. Георгия) опираются на вполне стереотипные, если не сказать поверхностные, суждения о том или ином писателе. Эти суждения можно было бы ожидать отнюдь не в богословском труде.

В чем же дело? Мне представляется, главная причина состоит в том, что само русское богословие как таковое (а точнее, авторы, говорящие от имени этого богословия) по отношению к произведениям светских авторов и во времена о. Георгия Флоровского и в наше время все еще не выработало адекватного своему предмету понятийного аппарата. Поэтому, например, так пугающе произвольны зачастую как суждения духовных авторов - «защитников» Гоголя, так и суждения его строгих «судей».

Не кто иной, как сам о. Георгий, констатирует болезненный для русской культуры «разрыв между богословием и благочестием, между богословской ученостью и молитвенным богомыслием, между богословской школой и церковной жизнью».

Богословская наука «слишком долго... оставалась в России чужестранкой... она оставалась каким-то инославным включением в церковно-органическую ткань. Богословская наука развивалась в России в искусственной и слишком отчужденной среде, становилась и оставалась школьной наукой. Превращалась в предмет преподавания, переставала быть разысканием истины или исповеданием веры. Богословская мысль отвыкала прислушиваться к биению Православного сердца... Богословские искания не могли найти почвы для себя». И даже: «Богословие перестало выражать и свидетельствовать веру Церкви».

Я не дерзаю говорить о слабости русского богословия как такового, как науки в целом. Но суждения о. Георгия о русской литературе свидетельствуют, к сожалению, лишь о том, что богословие не успевало за развитием отечественной литературы; не успевало осмыслить сущность этой литературы. Богословская мысль грешит крайне поверхностными, хотя и самоуверенными оценками писательского творчества. Еще большой вопрос, что более адекватно выразило жизнь русского человека, укорененного в христианской традиции: русская словесность или же школьное богословие.

Далеко не случайно именно в России одним из наиболее глубоких авторов, пишущих о Церкви, являлся светский человек: Алексей Степанович Хомяков. В отличие от жизни в Церкви, церковной жизни во всей полноте, научно-богословское осмысление как светской жизни, так и светской литературы в русской традиции далеко не устоялось, те или иные

оценки чаще всего являются не солидарным (соборным) голосом Церкви, но частным мнением того или иного лица. Поэтому мы и должны относиться к этим оценкам как к частному мнению, но не как к голосу Церкви. По отношению к русской литературе эти оценки совершенно равнозначны оценкам светских ученых. Их нельзя игнорировать, нельзя третировать, как это было в советские времена, но нельзя и безмерно - некритически - превозносить.

Еще в 1857 г. почти совершенно забытый сегодня И.Я. Порфирьев очень точно и глубоко осмыслил сущность русских духовных стихов, говоря, что последние, хотя и наполнены «разными, часто грубыми догматическими ошибками», однако они же проникнуты «чувством благочестия». Обратим внимание, что Порфирьев был опубликован в издании Казанской Духовной Академии, цензор которой архимандрит Феодор, как и Комитет Духовной Цензуры при Казанской Академии не счел фразу «проникнутых чувством благочестия», хотя и «наполненных разными... догматическими ошибками» в чем-то противоречащий православному подходу.

Ключевым понятием для продуктивного подхода к проблеме соотношения христианства и русской художественной литературы является православная традиция. Но что такое традиция? По-видимому, присутствие в произведении культурной памяти и может быть определено как традиция. Формы же присутствия могут быть весьма различны.

Осмысление в художественном творчестве христианской сущности человека и христианской картины мира, имеющее трансисторический характер, свидетельствует о собственно христианской традиции. Эта традиция соприродна культуре русского народа и включает в себя православные церковные представления, а также широкий круг образуемых вокруг этих представлений как духовного ядра традиции примыкающих к ним других культурных ярусов. Таковыми являются, например, духовные стихи, пословицы, поговорки и другие явления культурной жизни народа, отнюдь не «оппозиционные» православию, но по-своему «адаптирующие» догматы церкви к народному сознанию и, тем самым, структурирующие это сознание.

При этом следует отдавать себе отчет в многомерности культурного поля. И неискушенная в богословских спорах прихожанка храма в русской деревне и преподобный Серафим Саровский причастны христианской традиции и радуются светлому Христову Воскресению, однако, вместе с тем, они находятся, так сказать, на разных ярусах единой православной культуры.

Большинство русских писателей как раз и являются носителями русской духовной культуры, выразившими в своем творчестве как раз тот характер, который сформировало «греческое вероисповедование», согласно известному убеждению А.С.Пушкина. Не забудем и Ф.М.Достоевского, твердо уверенного в том, что «все народные начала, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из православия». Между художественным языком и православной культурой существует тесная связь, которую нельзя ни абсолютизировать, ни недооценивать. Для адекватного описания русской литературы сама оппозиция светского и духовного, художественного и учительного может быть верно понята, если мы задумаемся над тем общим знаменателем, который конституирует единство русской культуры в ее разнообразных проявлениях. Границу между светским и духовным можно понимать не только как разделяющую, но и соединяющую эти сферы в единстве отечественной национальной культуры как таковой: именно в последнем случае только и можно говорить о русской православной культуре. Такая установка, на наш взгляд, гораздо более перспективна для исследователя русской словесности.

Тогда как «самовольное» использование христианских образов, намеренно идущее вразрез именно той совокупности культурных представлений, которую и можно обозначить в качестве православной традиции, трансформирует христианский образ мира и приводит к искажению самой традиции.

* Выступление на конференции «Православие и русская литература» в Арзамасском пед. институте в мае 2000